

Стихи Ивана Бунина

ломник, повествующий о смерти Аглаи, между прочим добавлял: «А все же, бабочки, есть каверзные, бесий слух, что умирать ей не хотелось, ох, как еще не хотелось-то!»

Жизнь торжествует над смертью в любом рассказе Бунина. Оля Мещерская, шестнадцатилетняя красавица-гимназистка, была растлена 56-летним «джентльменом» в крылатке, с роскошной серебряной бородой, а потом убита казачьим офицером, и ее «легкое дыхание»... «снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре».

«Легкое дыхание» — литературное эхо на одно из тогдашних социальных явлений: известное моральное разложение в буржуазной среде; в «подтексте» рассказа ощущается суровый приговор и буржуазному обществу, и декадентской литературе, «смакующей» «проблему пола». Таким же обличительным духом был проникнут и другой рассказ, датированный тем же (1916) годом, — «Старуха», где на фоне привольно-уездного житья-бытья и столичного притворного веселья «рекой лилась, плакала» от постоянных огорчений нищая старая служанка, а по «темной, снежной улице брел к дальнему фонарю, задуваемому вьюгой, оборванный караульщик, все сыновья которого, четыре молодых мужика, уже давно были убиты из пулеметов немцами...»

Сравнительно быстро, в начале века, проявилась в творчестве Бунина замечательная способность воспринимать и чувствовать наряду с родной национальной действительностью чужеземную жизнь — все с тех же неизменно реалистических позиций. Его «путевые поэмы» о Ближнем Востоке «Храм Солнца» (1907—1911)* — вовсе не «эзотика», а воскрешение исторической древности взглядом путешественника-современника. Рассказ «Братья» — о Цейлоне, поработанном англичанами, — разоблачал хозяев острова в таких отточенных образах, что звучал — вольно или невольно — как художественная антиколониалистская хартия. Наконец, «Господин из Сан-Франциско» (1915), встреченный поистине триумфально всей тогдашней критикой, воспринимался читателем — опять таки независимо от намерений автора — как залп по твердыням и оплоту властителей мира сего, и его эпиграф говорил сам за себя: «Горе тебе, Вавилон, город крепкий!». «Вавилон» царской России тогда был уже обречен: у «корней дерева» лежала секира, а «при дверях» стояла Революция.

II

БУНИН никогда не был политиком, но с юности держался прогрессивных взглядов, что объяснялось влиянием любимого старшего брата — Юлия Алексеевича, революционера народнического толка — и ранним уходом «в люди»: службой по найму в Полтавском земстве, на железной дороге в Ельце и «состоянием при редакции» «Орловского вестника». Вращаясь в дореволюционной, «разночинной» среде, Бунин не питал симпатий ни к уходящему с исторической сцены дворянству, ни к городскому купечеству (и мещанству), и это взглядным образом сказало на его литературном творчестве до 1917 года.

Октябрь 1917 года со своим очистительным огнем явился острейшим испытанием для старой творческой интеллигенции: иным казалось тогда, что гибель привычно векового быта и уклада знаменует и гибель веками создаваемой культуры. Бунин, разделявший эти ошибочные воззрения, оказался (в 1920 году) за границей, в эмиграции: духовное сродство с прошлым, его разноцветные пути и золоченые цепи пересилили, увы, все прочие соображения.

Бунин работал в эмиграции упорно, много и страстно, только в творчестве находя успокоение и забвение от трагически сложившейся жизни. Он целиком сохранял свой талант, который приобрел даже особую, угончившуюся в пронзительную силу, но не мог не сознавать, что круг его читателей сузился уже до предела и что его изуми-

(Окончание на 15-й стр.)

Публикуемые здесь пять стихотворений Бунина неизвестны нашему читателю.

Первое (юношеское) стихотворение было напечатано в еженедельном журнале «Родина» в 1888 году (№ 14) и не включалось Буниным ни в один поэтический сборник, в том числе и в первый, вышедший в 1891 году в Орле.

Второе, третье и четвертое стихотворения были помещены в нью-йоркском еженедельном «Новом журнале», № 89, 1968, со следующим предисловием Л. Ф. Зурова, литературного наследника И. А. Бунина:

«В архиве И. А. Бунина есть небольшая тетрадь со стихами И. А. На первой странице он написал: «Это тоже можно ввести в будущее собрание, вставив куда надо в хронологическом порядке,

И. А. Бунин, 1943 г.». В тетради 31 стихотворение. За исключением четырех стихов (носящих авторскую правку и датированных), все это автографы. Большинство стихотворений никогда не были опубликованы, а те, которые когда-то в России или за рубежом были напечатаны, окончательно отредактированы И. А. в 1943 году. Все даты и заметки под стихами написаны рукой И. А. Бунина».

Печатающиеся здесь (второе, третье, четвертое) стихотворения относятся к никогда не опубликованным.

Пятое стихотворение печаталось в том же «Новом журнале», но значительно раньше (№ 62, 1960 г.), в числе других 15 неизвестных стихотворений, опубликованных вдовой И. А. Бунина (ныне покойной) В. Н. Муромцевой-Буниной.

При разлуке

Ненастные дни и туманные ночи...
Здесь нечем потешить усталые очи,
Глухой и заброшенный край...
Стою напоследок над полем безбрежным,
Окутанным зимним ковром белоснежным,
И думаю с грустью: «прощай»!
Пускай оно серо и бедно, и скучно,
Но с самого детства я с ним неразлучно
Был должен и жить, и страдать.
Глядишь поневоле на нивы смущенной
И им при разлуке с тоской затаенной
«Простите» нельзя не сказать.
Быть может, в грядущем мне горе таится
И буду действительно жизнью томиться
И рваться в родные поля...
Тогда, после бурь и страданий мятежных,
В затишье полей и курганов безбрежных
Тогда-то примите меня!

1888

И снова вечер, снова четко
Бьет перепел в росе полей.
Равнина к югу в дымке кроткой,
Как море дальнее, а в ней,—
Что в ней томит? Воспоминанья
О том, чему возврата нет,
Призыв на новые скитанья,
Иль прошлого туманный след?
— Ты, молодость моя, вы, годы
Надежд, сердечной простоты,
Беспечной воли и свободы,
Счастливой грусти и мечты,—
Какой-то край обетованный,
Какой-то вечер в той стране,
«Где кипарис благоуханный
Внимает плещущей волне»,—

И ты, заветный и неясный
Неверный друг, кого опять
В тоске вечерней жду напрасно
И буду до могилы ждать.

1900

Нет Колеса на свете, Господин,
Нет Колеса: есть обод, втулок, спицы,
Есть лошадь, путь, желание возницы,
Есть грохот, стук и блеск железных шин.
А мы, а мы? Мы разве не похожи
На Колесо? Похож и ты — как все.
Но есть и то, что всех колес дороже:
Есть Мысль о Колесе.

25.VII.16

Жизнь промелькнула как во сне.
И вот уж утро раннее
Виски посеребрило мне,
И стала даль туманнее.
А все в душе восторг и боль,
И где-то вспоминается,
Как горьких слез тепло и соль
Со зноем уст мешается.

22.VII.16

Кругла и бледна, поднималась луна
За бором в полночную пору.
При мертвой луне на тяжелом коне
Бежал он по тихому бору.
Светлеет в бору, он спешит ко двору
Не выдайте, резвые ноги!
Долины молчат, лишь копыта стучат
О корни песчаной дороги.

20-е годы